

РЕБЁНОК В СИТУАЦИИ ВЫБОРА В РАССКАЗАХ В. РАСПУТИНА И Б. ЕКИМОВА 1990-Х ГОДОВ

И. А. Костомарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 июня 2016 г.

Аннотация: в статье рассмотрен образ ребенка в рассказах В. Распутина и Б. Екимова 1990-х годов, увиденного не на фоне семьи («безотцовщина»), а в современном деформированном мире, утратившем прежнюю систему ценностей.

Ключевые слова: образ, ребенок, герой, девочка, мальчик, детство.

Abstract: the article considers the image of a child in the stories of V. Rasputin and B. Yekimov 1990-ies, which we see not in the family background («fatherlessness»), and in the modern deformed world without the former system of values.

Key words: image, child, character, girl, boy, childhood.

Образ ребенка является традиционным в литературе. Русский дискурс детства предстает как онтологический – «обращенный более к проблемам детской души, нежели разума, в нём выявляется душевно-духовная жизнь человека в детстве» [1, 11]. Через тему детей и детства, писатели, находя собственное решение, высвечивали такие важные аспекты, как чистоту человеческой души, ее восприимчивость к добру и состраданию, связь прошлого и будущего, ценность настоящего, формирование духовных особенностей и нравственного потенциала.

Обратив свое внимание на современных писателей-традиционалистов [2,9], таких как В. Распутин и Б. Екимов, мы отметили, что в 1990-е годы в их творчестве обнаруживается интерес к образу ребенка, который играет важную роль в их размышлениях о человеке и мире.

Г. Якунина отмечает, что Катя из рассказа «Нежданно-негаданно» (1997) В. Распутина – «сказочный почти образ печальной и светлой Красоты Несказанной, которая, ненадолго оттаяв у добрых людей, уходит безропотной пленницей к разыскавшим ее «хозяевам жизни». Уходит не потому даже, что их боится – она боится за Сеню и Галю, давших ей приют...» [3].

Завязка действия происходит на рынке – важном месте действия в современных произведениях Распутина. Главный герой, сельский житель Сеня Поздняков, случайно замечает необыкновенной красоты ребенка: «Он обратил внимание на ангельское личико лет пяти-шести...» [4, 463]. Однако бытовые подробности в резком противоречии с ангельским ликом: у девочки на коленях «стоял раскрытый па-

кет. В него опускали деньги... Девочка монотонно и печально повторяла: «Спасибо... Спаси вас Бог...» [4, 463]. Примечательно, что люди, дав деньги, с полным «правом» любят девочкой (своеобразная покупка!), никто не пытается выяснить, почему она нищенствует на улице. Только Сеня пытался с ней заговорить, «их стали обходить», и героиня попросила: «Дядя, отойдите, пожалуйста, вы мне мешайте...» [4, 464].

Когда простодушному Сене предлагают купить девочку, невольно вспоминаются мысли Достоевского о слезинке ребенка и надежде на спасающую мир Красоту, профанированные современной реальностью. Рынок в рассказе Распутина становится аналогом современной картины мира с разрушенной системой ценностей, в котором загнанной девочке для выживания надо сизмальства знать законы «настоящей» жизни, «которая теперь взяла силу...» [4, 457].

Легко обманув наивного Сеню, «продавец» оставляет девочку с ним. Удивительна реакция ребенка на сообщение о том, что «тетя Люся» сбежала: «Девочка вздрогнула и замерла. Сеня боялся, что она заплачет, будет с рыданьем проситься обратно – нет, все осталось внутри...» [4, 474]. Так может реагировать только человек, смилившийся с необратимостью жизненного хода, а не шестилетний ребенок. Мотив оцепенения, «застылости» становится важной характерологической приметой героини на территории рынка.

Однако ситуация меняется, когда «эта девочка по имени Катя оказалась в деревне у Сени с Галей, и, таким образом, Сене с Галей ничего не оставалось, как кататься с этой девочкой» [4, 474]. Чудные сказки Сени, мелкие детские обязанности, а главное – теплое, участливое отношение взрослых сде-

ляли свое доброе дело. И если вначале «Катя слушала ... внимательно и равнодушно... словно говоря: а ведь я уже старше, мне эти сказки рассказывать поздно...» [4, 477], то через месяц в деревне «живей она стала точно...» [4, 481]. У нее появились неожиданные пристрастия. Кате понравилась керосиновая лампа. «... Лампа так понравилась девочке, что она взяла в привычку досиживать допоздна... Маленькая шаманка», – улыбался Сеня. И просветлел вдруг сам: да кто сказал ему, что у нее недвижимое, холодное лицо, затуманенное изнутри? Ничего подобного...» [4, 487].

Лицо девочки в рассказе – отражение ее внутреннего мира, ее мироотношения. Изменившаяся Катя, почувствовавшая вкус к жизни, к семье, которой она была лишена, становится главной радостью Сени и Гали. С ними она возвращается к себе самой, «оживает». Однако в мире позднего В. Распутина, аналогом которого стал рынок, человеческая доброта и участие не могут изменить общей ситуации. Катю в конечном итоге находят и забирают из семьи ее прежние «хозяева». Но даже не этот событийный поворот вносит в рассказ трагическую составляющую. Самое страшное в том, что Катя мгновенно меняется до неузнаваемости: «...точно злая пелена нашла на нее... Лицо ее еще вздрагивало, еще за что-то цеплялось, но уже окаменевало, глаза затухли...» [4, 490]. Девочка возвращается в прежнюю жизнь, в которой нет места теплу, свету и добру. С недетским отчаянием она понимает, что это и есть реальный мир, в котором лишь на время («Нежданно-негаданно») ей выпало пожить в доме Поздняковых.

Претензии, которые выставляет современному миру В. Распутин в рассказах 1990-х годов, системны и глубоки. Дело не в недостатке добра в отдельных людях. Не случайно в центре повествования не только девочка, страдающая от «горлохватов», но и Сеня, взрослый человек, не умеющий им противостоять. Распутинские рассказы конца XX века рисуют картину деформированного мира, в котором частными усилиями таких, как Сеня, поправить ситуацию не удастся. В этом новом миропорядке бессильными оказываются прежние герои. Сеня как раз из них, привычных активных героев, живо откликающихся на чужую боль, на красоту. И в свою очередь, откликаясь на доброту приютивших её людей, Катя¹ спасает их, уводя «горлохватов» из дома.

Несколько иную картину мы наблюдаем в творчестве Б. Екимова. Отметим, что детские образы часто присутствовали в его произведениях и ранее

¹ По замечанию о. П. Флоренского, имя Екатерина «имеет в корне своем значение чистоты, незапятнанности. Екатерина силой своего имени занимает такое место в обществе, что неизбежно служит предметом внимания... Екатерина считает долгом своим быть возможно красивой, возможно умной, возможно величественной, а главное – безукоризненной, безупречной и благородной».

(«Ночь исцеления», «Живая душа», «Мальчик на велосипеде» и др.). На современном этапе своей работы автор продолжает вводить в свои рассказы героя-ребенка, который активно действует в мире и берет ответственность за этот мир на себя.

Рассказ «Возвращение» (1998) вызвал немного откликов в критике, его рассматривают, в основном, в религиозном контексте. Его сюжет предельно прост. Живет в деревне последняя древняя праведница – бабка Надежа. «...Живые мощи: под старой кофтенкой – узкие худые плечики, за ними – горб; иссохшие плети рук... под белым платком теплится, словно свеча, беззубая улыбка. Она для всех» [5, 89]. Героиня вполне оправдывает свое имя: для односельчан она и опора (выручает деньгами, рассадой и т. д.), и «молитвенница». С бабой Надежей периодически живет, когда уходят в запой родители, девочка – дальняя родственница. Между старухой и ребенком, несмотря на огромную разницу в возрасте, идеальное взаимопонимание.

Идиллию нарушает кража: у бабы Надежи украли ее единственное богатство – иконы святых заступников. Никто из взрослых не проявляет интереса к старухиной трагедии. Между тем вполне очевидно, что иконы украл кто-то из «своих», местных. Интересно отметить, что Надежа воспринимает исчезновение икон не как житейский акт: иконы «спокинули» ее дом, «к другим людям ушли... там – нужней» [5, 95]. В этом вся суть праведницы: она живет в своем мире, где икона не предмет культа, а часть ее существа, все, что происходит вокруг нее – свершается по воле Божией. Оттого она и не ищет пропажу. Но исчезновение икон приводит ее к болезни: «Только помирать без Богородицы трудно...» [5, 95]. То, что для окружающих является бытовым событием, для Надежи имеет провиденциальный смысл.

Трагедию старухи именно в таком плане понимает девочка. Она же берется исправить ситуацию, начинает действовать. Однако ни в магазине, где покупают иконы, ни в милиции ребенку не помогают. И тогда девочка разрешает ситуацию по-своему. Она хорошо рисует, ее яркие рисунки со «странными, все понимающими глазами» [5, 92] – ответ серой и не очень счастливой жизни.

Этот дар ценит баба Надежа. Она же просит девочку: «Родная... Нарисуй мне иконочку... Ты – безгрешная душа, ты сладишь...» [5, 102]. И чудо свершится, ребенок творит образ: «Глаза, светлый лик... Возле них всю жизнь прожила. Глядела со стены Богородица. В ее глазах – нежность, страдание и раздумье. И радость возвращения...» [5, 104].

Отметим, что рассказ Б. Екимова «Возвращение» невозможно рассматривать в чисто религиозном контексте. Главное чудо здесь – возможность восстановления добра, возвращение целостности миру вопреки очевидности, вопреки жесткой реальности. Девочка, у которой в рассказе даже нет имени, – на-

делена творческой силой продолжения жизни, не разрушения, как во «взрослом» мире, а созидания. И это вариант несколько иного, чем в рассказе В. Распутина, решения. Сходство, пожалуй, в одном, но оно существенное – дети защищают и поддерживают взрослых, а не наоборот, как это было ранее. Тяжесть современного неустроенного, дисгармоничного мира, в котором «взрослые» утратили, затоптали границу между добром и злом (вспомним повесть В. Распутина «Пожар»), легла на плечи детей.

Начиная разговор о екимовском герое Фетисыче из одноименного рассказа, вспомним слова литературоведа В. Сердюченко: «...Этот отрок оправдывает собою весь бардак нынешней российской жизни... это образ такой светоносной силы, какую Достоевский хотел передать в “русском мальчике” Алеше Карамазове. По православному преданию, русскую землю однажды посетил апостол Андрей. Если бы он появился еще раз, он признал бы в ней только “русского мальчика” Фетисыча²...» [6].

Такая оценка современной онтологически важной ситуации в значительной степени свидетельствует об исчерпанности прежних решений не только для В. Распутина. Ищет свой выход из «бардака нынешней российской жизни» и Б. Екимов.

Девятилетний мальчик Яков, которого «за разговорчивость, за стариковскую рассудительность» [7, 212] зовут по-взрослому Фетисычем, один противостоит и разрушению родного дома, и умиранию родного села. Ситуация для него очевидная. Смысл жизни отчима (выразительна эта повторяющаяся в современных «детских» рассказах ситуация *безотцовщины*) – поиск очередной бутылки водки. Мать держится за последнюю в селе работу на ферме. Вваливая на себя заботы об элементарном пропитании, на детей времени она не находит.

Ситуация в деревне еще печальней. Автор без прикрас описывает разрушения вокруг. Оставшиеся жители безжалостно растаскивают по частицам всё, что раньше называлось колхозом, разрушая и свои дома, и жизни тоже.

В селе остался последний оплот духовности и надежды – старая школа, в которой всего пять учеников. Девятилетний Фетисыч в ней за старшего. Не по годам любознательный и ответственный, он и за порядком следит, и помогает пожилой Марии Петровне в школе и за ее пределами.

Событие, прерывающее непрочный «лад», – смерть учителя. Недетская рассудительность, неумение быть равнодушным, ответственность за судьбы других детей толкают маленького героя на поиски нового учителя в дальнем крупном хуторе.

Кульминация рассказа – ситуация нравственно-го выбора девятилетнего ребенка. У Фетисыча появляется возможность самому остаться в хуторской

² Фетис (Феоктист) – от греч. teoktitos – «созданный богами»

школе и жить у директора. Но на пути такого решения для мальчика мысль о том, что родную школу с четырьмя оставшимися в ней учениками непременно закроют. «Тогда там все кончится, рухнет... А через неделю... школу разгромят... Первое время – по ночам, таясь. А потом среди бела дня, наперегонки, кто быстрее успеет...» [7, 232].

Мысль о том, что школу могут растащить и разграбить, приводит Фетисыча, маленького ее хозяина, в настоящий ужас. Совсем уже недетская ответственность за родной дом, за село, за школу, с которой только и связаны мысли Фетисыча о будущем, не даёт ему уехать, отступить. И слезы мальчика в финале значат очень многое. В том числе и предчувствие нелегкого будущего.

Может показаться, что Екимов идеализирует своего героя, уходит от решения вполне реальных, отнюдь не «детских» ситуаций. Но к такому выводу можно прийти, если требовать от художника практических советов по организации нашей жизни, по решению хозяйственных задач. Однако художественный текст – это не очерк и не газетная статья. Стоит задуматься над тем, почему Б. Екимов, как и В. Распутин, не увидел «героя нашего времени», способного взять на себя груз ответственности за нашу общую жизнь, за место человека в ней. Разумеется, житейски наивной кажется уверенность Фетисыча, что взрослые односельчане «без него ничего не смогут. Лишь он знает, как тетради проверять, ставить отметки. Его Мария Петровна учила» [7, 232]. Однако драматизм современной ситуации заключается в том, что иных решений никто, кроме Фетисыча, и не предлагает.

Маленькие по возрасту герои Б. Екимова вполне состоятельны в нравственном отношении, в готовности взять ответственность за мир, который они наследуют, на себя. Их принципы словно бы не подвержены деформации «взрослой» жизни, являются основой их поведения. Вот почему только девятилетний Фетисыч противостоит всеобщему разладу, охраняет будущее своей деревни.

Образы детей в рассказах Б. Екимова есть выражение надежды писателя на внутреннюю силу, активность добра, которое возрождается самим движением «живой жизни» (В. В. Вересаев) – они активизируются в годы кризиса и безвременья, какими, по мысли Б. Екимова, являются и годы рубежа XX–XXI веков. Детская по форме, но содержательно чрезвычайно важная уверенность маленького Фетисыча напоминает читателю главный жизненный принцип героев «деревенской прозы» 1970-х годов, в том числе распутинских «старинных старух», которые ощущали себя людьми, необходимыми своей земле. С этим, казалось бы, забытым чувством приходит в жизнь поколение внуков «старинных старух», без подсказки со стороны реализуют их чувство ответственности перед родной землей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефёдова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: автореф. дис. на соискание ст. доктора философ. наук / Л. К. Нефёдова. – Омск, 2005. – 38 с.
2. Ковтун Н. В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учебное пособие / Н. В. Ковтун. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета (СФУ), 2013. – 350 с.
3. Якунина Г. Листвень. Ретроспективный синтез женских образов в прозе Валентина Распутина / Г. Якунина // Молоко. Русский литературный журнал. – 28 окт.

2008. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/text/2008/jakunina.html> (дата обращения: 10.03.2015).

4. Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы / В. Г. Распутин. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 640 с.
5. Екимов Б. П. Не надо плакать... / Б. П. Екимов. – М. : Вагриус Минус, 2008. – 400 с.
6. Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия / В. Сердюченко // Вопросы литературы. – 2000. – № 4. – С. 77–97. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/serd10.html> (дата обращения: 08.06.2015)
7. Екимов Б. П. На хуторе: Повествования в рассказах / Б. П. Екимов. – М. : Время, 2010. – 464 с.

Воронежский государственный университет

Костомарова И. А., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: iafiletova88@gmail.com

Voronezh State University

Kostomarova I. A., Post-graduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: iafiletova88@gmail.com